

сти большевиков, ситуация в юридической науке кардинально меняется: появляются новые теоретические постулаты, которые, по мнению некоторых исследователей, берут свое начало из марксизма.

Кардинальных изменений в уголовном праве в послевоенный период не происходило. Все нововведения в законодательстве касались, в общем и целом, отдельных правовых институтов, но стоит отметить одну общую тенденцию – четко выделенное усиление уголовной репрессии.

После окончания войны советским руководством были отменены либо признаны утратившими силу все нормативные акты довоенного периода, которые устанавливали уголовную ответственность за деяния, имеющие общественно важный характер только в условиях войны.

В первые годы после окончания войны применение смертной казни было достаточно распространенным видом наказания. К военным преступникам и пособникам немецко-фашистских оккупантов применялся квалифицированный вид смертной казни, а именно повешенье, которое приводилось в исполнение публично.

В мае 1947 г. смертная казнь была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР. В нем оговаривалась отмена смертной казни в мирное время, а преступления, караемые смертной казнью по установлению закона, теперь караются двадцатью пятью годами заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Определенное внимание было уделено преступлениям против собственности, ответственность за которые была ужесточена. Свое четкое определение получила государственная уголовная политика: первостепенная защита государственной и общественной собственности. Лицо, уличенное в краже, хищении имущества или в его растрате, наказывалось лишением свободы на срок от семи до десяти лет с конфискацией имущества.

Усиленной борьбой с преступностью объяснялось ужесточение ответственности и применение внесудебных репрессий, что воспринималось союзным руководством как средство выполнения государственных задач.

Если преступление совершалось повторно, либо организованной группировкой, либо при хищении крупных размеров, срок заключения мог быть увеличен до двадцати пяти лет лишения свободы. Лишением свободы на срок от пяти до восьми лет, либо от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества карались посягательства на колхозное либо общественное имущество.

Соккрытие известных фактов о готовящемся либо совершенном преступлении также каралось тюремным заключением, либо ссылкой на срок от пяти до семи лет.

Разглашение государственной тайны, хищение документов, содержащих государственную тайну, изготовление и сбыт самогона и продажа самогонных аппаратов, изнасилование и попытка изнасилования объявлялись тяжкими преступлениями против общественной безопасности и также карались по всей строгости закона.

12 января 1950 г. «ввиду поступивших заявлений от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры» Президиум Верховного Совета СССР своим указом восстановил применение смертной казни к «изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам». На данное решение повлияло и серьезное ухудшение криминальной ситуации в местах лишения свободы: преступники, имевшие предельные сроки лишения свободы, совершали тяжкие преступления, в том числе убийства осужденных, не опасаясь за свою жизнь.

Уже в октябре 1950 г. к смертной казни были приговорены фигуранты «ленинградского дела», а в 1952 г. к смертной казни были приговорены Военной коллегией Верховного Суда СССР тринадцать обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета. Открытый судебный процесс и смертная казнь планировались по делу «врачей-отравителей».

Всего же в 1946–1947 гг. и в 1950–1952 гг. к смертной казни было приговорено по политическим обвинениям 7 697 человек.

Таким образом, уголовно-правовые нормы, которые были приняты союзным законодательством в послевоенный период, использовались советским руководством как средство идеологической борьбы. Необходимость ужесточения норм уголовной ответственности была обусловлена необдуманными действиями правительства сразу после окончания войны, а именно массовой амнистией, которая стала необдуманным шагом и привела к разгулу преступности и бандитизма.

УДК 340.1

В.Н. Матарас

ФОРМАЛЬНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ НОРМЫ В ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В научной литературе термин «правовая система» и сама правовая система рассматриваются как в узком, так и широком понимании, и, следовательно, в определении «правовая система» используется узкое и широкое толкование. Исследуя данный феномен в узком смысле, надо держать в уме, что правовая система – сложное явление и имеет раз-

личные масштабы. Дать определение правовой системе, соответствующее ее реальному содержанию, основанному на обобщении фактов, а не на «видении» автора и его философии мировоззрения, представляет определенную сложность. Правовая система поливариантна уже в силу различий между этносами (народами) и социокультурными системами.

Правовая система в своей основе – продукт сложного взаимодействия двух форм, социальной и этнической. В силу конгруэнтности с этносом и социумом она включает в себя эти феномены и имеет двойственную структуру, с одной стороны, натуральные процессы этногенеза, а с другой – организацию социума. В основе этнической системы – коллектив с его динамическими процессами и месторазвитием, что предполагает привязку к определенной территории, контакт с соседями, влияет на выбор «донора» в культуре или создание собственной оригинальной системы социокультурных доминант. Одновременно этнос как вспомогательную систему и форму выживания и защиты создает социальные институты и закрепляет формальную систему норм.

Двойственность правовой системы заключается в том, что этнос как биофизическая система при адаптации на основе стереотипов поведения создает латентную нормативную систему, а социум – жесткую организацию социума – кристаллизацию правовых и социальных институтов в зафиксированных нормах, с целью сохранения определенного идеала поведения. Правовая система включает и ту и другую сферу. Эта двойственность создает систему латентных и формальных норм, где граница между этническими, социальными и правовыми нормами достаточно условна и подвижна. Все эти элементы и компоненты, диалектически взаимодействуя, в режиме реального исторического времени создают живой поток действительности.

В правовой системе взаимодействуют первичные этнические латентные нормы и вторичные нормы формального права, создаваемые при организации социума. Понять эти явления и всю сложность правовой системы представляет определенную трудность. Мы видим формальные нормы права и институты социума, но не видим латентные нормы этноса, которые воспринимаем подсознательно как само собой разумеющееся и понятное всеми поведение.

Каждая правовая система своеобразна именно в силу различия ее латентных норм и их объема влияния в то или иное время. Несмотря на внешнее сходство, по внутреннему содержанию, в зависимости от особенностей социокультурных доминант и латентных норм правовой системы всегда отличаются друг от друга. Даже если формальная норма права устраивает большинство в коллективе, то и в этом случае, в силу

ее жесткой конструкции по отношению к иррациональному и живому, создается адаптивная этническая латентная норма.

Интернациональные слова (например, Конституция, право, норма и т. д.), несмотря на кажущуюся простоту и ясность, не выражают это глубинное содержание поведения коллектива. У эллинов, римлян, немцев, русских трактовка этих концептов в смысле реального этнического содержания и смысловых понятий различается.

История народа не может идти как одномерный юридический конституционный процесс. Его жизнедеятельность никогда не идет прямо, а чаще с обрывами и иногда с уходом в никуда. Состояние коллектива, его стереотипы поведения изменяются в течение реального исторического времени. Содержание правовой системы необходимо искать не только в тексте закона, но и в латентных нормах и функциях, так как латентные нормы создают определенный правопорядок, параллельный формальному.

Обращаясь к юридической терминологии, следует учитывать, что реальное содержание коллектива постоянно трансформируется и, следовательно, изменяются стереотипы и императивы поведения, в результате возникает разбежка между формальным правопониманием и реальными жизненными правоотношениями. Здесь сложная полифакторная системная связь, которая функционирует в силу потенции ведущего слоя и правящей группы и состояния всего коллектива. Именно ведущий слой устанавливает императивы поведения, взаимодействующие со стереотипами поведения коллектива и его групп, и принимает социокультурную доминанту, являющейся основой правовой доктрины.

Поскольку живой поток – явление динамическое, т. е. постоянно, в части или в целом трансформируется, но в силу идеалов и целей социума стремится к стабилизации, то правовая система всегда в основе имеет два феномена, а их взаимодействие – интерференция двух линий развития или, говоря языком математики, двух относительно независимых переменных. Поднастройка формальных и латентных норм в живом потоке коллектива происходит постоянно в течение всего исторического времени жизнедеятельности этнической системы и приводит к тому, что наряду с живым потоком функционирует формализованный.

Взаимодействие живого и формализованного потоков в правовой системе напоминает два пересекающихся круга, у каждого из которых собственная сфера и сфера пересечения. Здесь имеем две нормативные системы, осуществляющие нормативные функции с вариациями схождения и расхождения этих кругов, и с увеличением или уменьшением точек пересечения. В позитивистской системе латентные нормы этноса

должны совпадать с формальными нормами социума (например, когда мы провозглашаем идеал правового государства). Но в реальности эти два феномена – нормативные системы этноса и социума, в силу динамики природы этноса и поднастроек социума всегда находятся в определенном разграничении.

В динамике живого потока изменяются функции латентных норм, но процесс рационализации правовой системы, который мы принимаем в виде формальных норм, приводит со временем к отдалению от жизненных «помех» и «шумов». Если даже мы переносим формальную норму из «чужой» системы, то слова и содержание отношений в позитивной норме содержательно будут различаться. Тем более они различаются в единицах мелкого масштаба – латентных нормах, в силу различия стереотипов и императивов поведения. Этих различий будет больше по содержанию в системе более высокого масштаба – социокультурного мира.

Поскольку формальная норма права есть математический алгоритм, то при столкновении математического алгоритма с живым потоком, т. е. феноменом физического мира, показания математики становятся неточными. Получается, что, создавая норму (т. е. математический алгоритм идеального ума), мы упрощаем и схватываем в формальной норме только часть объема нормирования в коллективе. Трудности в понимании правовых систем связаны, наряду с другими явлениями, именно с этим феноменом. Если рассматривать институты власти государства и правовую систему только монофакторно, то этот путь не приводит к ответам на многие вопросы.

При этом количественно и содержательно изменяются элементы правовой системы. Уходят или сокращаются в объеме одни, появляются другие. Одни латентные стереотипы и императивы поведения со временем трансформируются, а на их место становятся доминирующими другие. Например, часть этих неявных регулярностей закрепляется в нормах формального права, а часть продолжает функционировать латентно и со временем изменяются и те, и другие. Сам фактор реального времени уже создает разбежку в нормативной системе этноса и социума, и в идеале стремящейся к статике формальной системе норм. Поэтому правовая традиция постоянно изменяется – от дедов к внукам и всегда у внуков хоть чуть-чуть, да по-другому.

Чем больше в правовую систему привлечено рационального труда коллектива (ведущего слоя и правящей группы), тем более она становится жесткой и статичной. И чем меньше этого труда, тем больше система наполнена (инициирована) процессами в латентных нормах и функциях. Полностью система латентных норм и функций не сможет

никогда исчезнуть, как и не может исчезнуть физико-биологическое составляющее в природе человека и коллектива. Только в силу энтропийных процессов, когда этническая система распадается или ассимилируется, после себя она оставит часть кристаллизованных и рукотворных формальных норм права, как явление правовой культуры исчезнувшего народа – римское право, Законы Хаммурапи.

Полифакторность этого сложного диалектического явления нельзя рассматривать только с точки зрения филологии, т. е. нормативной формальной системы. Терминологическое рациональное схватывание в правовой норме по отношению к реальному живому потоку, несущему сложный объем этнически живого и иррационального, всегда приводит к упрощению. По В.И. Вернадскому, нельзя думать, что все явления, доступные нашему сознанию, подведутся под мыслительные формы, т. е. терминологию, а следовательно, логику формальных норм.

Понятно, что устойчивость и функционирование правовой системы не бесконечны, а состояние находится в определенной длительности. Латентные и формальные нормы в системе живого потока существуют в состоянии (в идеале) определенного равновесия, но не совпадают по объему нормирования. В реальной жизнедеятельности коллектива латентных норм и функций значительно больше.

Два типа живых потоков и их культурных доминант будут создавать различные правовые системы. Если не в явной формальной нормативной системе, то в латентной этнической будет всегда своя система норм. Попытка сравнить разные живые потоки имеет множество несводимых, неравноправных друг к другу форм. Поскольку этническая латентная норма более пластична и вариабельна, она более устойчива к изменениям и дольше сохраняет свое содержание, хотя также трансформируется, а рукотворная формальная норма права, в силу динамики времени, будет постоянно предрасположена к изменениям.

Трансформация правовой системы коллектива приводит к изменению содержания понятий между латентной и формальной нормами в «своей» социокультурной системе. Что и говорить, если такое несоответствие возникает как следствие перевода, т. е. переноса из «чужой» социокультурной системы формальных норм и институтов. Происходит разбежка между формальными нормами и содержанием латентных норм, поскольку в иной системе она будет наполняться иными смыслами. Терминологически переносится калька, оригинальный смысл которой утрачен, а значение подменено.

Творческий ведущий слой и правящая группа способны переработать формальную норму из иной системы социокультурных координат и

адаптировать ее к своим условиям, т. е. сохранить «старую» (иную) терминологию, но содержание априори будет своим, или латентные нормы будут функционировать параллельно и создавать свой правопорядок.

Живой поток идет плавно, а иногда с разрывами и зигзагами. В силу дления реального времени жизнедеятельности коллектива возникает расхождение между стереотипами ведомых слоев и императивами ведущего слоя с формальным (кристаллизованным) состоянием институтов социума, что создает поляризующее противоречие и раскол в социуме и этническом правовом поле. Это наглядно видно в возрастной «болезни» коллектива – стадийном цикле надлома, когда система раскалывается на две враждующие группировки – белые и красные, католики и протестанты. Возникают две «правды», т. е. две социокультурные доминанты с поляризующими формами борьбы.

Одна группировка хочет сохранить «старые» формальные институты и нормы правовых установок, принятые от предшествующих поколений, а вторая ищет выход в «справедливых» идеалах или пытается жить как у «передовых и цивилизованных» народов, т. е. заимствовать формальные социальные и правовые институты, без малейшего понимания о содержании компонентов этих институтов. Ни то, ни другое невозможно, так как реверс во времени невозможен, а заимствовать (например, путем аккультурации) формальную (филологическую) систему норм и институтов можно до определенного предела. Решение вопроса только политико-правовыми средствами правящей группы, например, «конструированием политической нации» или строительством путем «философской веры» (коммунизма), приводит только к упрощению системы. А крайняя форма упрощения – распад государства и социума, так как коллектив объективно связан с географией месторазвития и, неся в себе определенное мировосприятие, принимает органичное ему мировоззрение. А при органичном мировоззрении этносоциальная система усложняется, иногда в новых формах, но всегда при сохранении каких-то элементов традиции.

Для правовой системы самым благодатным временем является инерция спада темпоральности живого потока, когда живой поток этнической системы движется плавно и без разрывов. Чаще всего это происходит в стадии «городской цивилизации», когда в социуме доминирует городская обыватель и формальные и латентные нормы находятся в относительном консенсусе. Время стабилизации – это «золотое время» для правоведов и стабилизации правовой системы и относительного совпадения латентных и формальных норм.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Успешное функционирование органов внутренних дел по реализации правоохранительной функции всецело зависит от качественного и количественного кадрового обеспечения. В связи с этим переосмысление накопленного исторического опыта разрешения проблемных аспектов кадрового обеспечения органов милиции, особенно в критические моменты развития государственности, приобретает важное значение для современников.

Оценивая кадровое обеспечение органов милиции в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что подразделения милиции Советского государства в этот период испытывали серьезный дефицит кадров. В первую половину 1941 г. некомплект в милиции составлял 4,6 %, или 11 288 единиц. Великая Отечественная война обострила кадровую проблему во всех сферах деятельности, в том числе в органах милиции. Основной причиной дефицита кадров являлись мобилизация сотрудников милиции призывных возрастов в Красную Армию и массовый уход милиционеров добровольцами на фронт (по подсчетам различных исследователей, на фронт ушло около 25–30 % милиционеров). Значительная часть квалифицированных сотрудников территориальных подразделений милиции была откомандирована на укомплектование особых органов и подразделений НКВД СССР. Так, например, только из органов внутренних дел Казахстана за 1941–1942 гг. было призвано в ряды Красной Армии 4 426 человек, откомандировано в особые отделы 702 человека. В истребительные батальоны, которые создавались в начале войны, было направлено более 2 000 работников милиции.

Проблема дефицита кадров существовала на протяжении всего военного периода. По состоянию на 1 января 1944 г. укомплектованность аппаратов милиции составляла 89,6 % штатной численности.

Кадровая проблема проявлялась также в высокой текучести кадров личного состава. В 1943 г. из органов милиции по разным причинам было 13,4 % к общему числу работающих.

За период войны неуккомплектованность кадров в территориальных органах милиции увеличилась к ноябрю 1945 г. до 12,2 % (более чем 2,6 раза). В органах милиции были вакантными более 22 тыс. должностей.